

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

СОВРЕМЕННОСТИ — это не просто люди, живущие в одно время друг с другом, но и живущие в одно время с теми историческими событиями, которые образуют эпоху. Одни из них торопят эти события, двигают историю вперед. Другие упрямо пытаются отстаивать старое. Третьи живут по принципу: мой дом — моя крепость, и дом этот, свою хату, располагают где-нибудь «с краю».

Какой же он, наш современник? Как изображать героя нашего времени? Что представляет собой советский характер? Вокруг этой проблемы ведутся споры, дискуссии, и не случайно. Вопрос сложный, сложный потому, что характер нашего современника находится в процессе становления. Мы на пути к коммунизму, а «ведь человек не рождается сразу коммунистическим человеком. Такого человека никто еще не знает, и вы его не видели. Его нельзя выдумать, он будет создаваться в процессе построения коммунистического общества, в процессе завершения перехода от социализма к коммунизму, — говорил Н. С. Хрущев на III съезде Союза писателей. — Но что такое «завершение»? — продолжал он. — Тут нет границы, проложенной плугом, чтобы можно было сказать,

что вот здесь кончается социализм и начинается коммунизм. Нет, так сказать нельзя. Процесс перехода от социализма к коммунизму — это длительный и очень сложный процесс».

Коммунистического человека еще нет (он в процессе становления), но черты его уже есть (ибо нет резкой границы между социализмом и коммунизмом). В жи-

ПРОБЛЕМЫ РЕПЕРТУАРА

вой сегодняшней человеческой практике наших современников, в характерах советских людей, в самой жизни есть то, что объединяет день сегодняшний с днем завтрашним. Это моральный кодекс строителя коммунизма. Руководствуясь им, будет действовать человек коммунистического общества; руководствуясь им, уже действует советский человек.

Современникам присущи общие черты духовного склада и потому при всем многообразии конкретных человеческих характеров можно говорить о характере, рожденном эпохой.

«Типические характеры в типических обстоятельствах». Мы помним эту чеканную формулу со школьных уроков по литературе. Мы привыкли к ней и порой не задумываемся, почему понятие «характер» поставлено на первое место. А ведь это отнюдь не случайно. Столкновение «характера» с «обстоятельствами» родит действие, и каким оно будет, как пойдет ход событий,

определяется в конечном счете характером героя. Представим на минуту, что на месте Гамлета оказались бы Гильденстерн или Розенкранц. Разумеется, ни тот, ни другой не взяли бы на себя тяжкую миссию — «восстановить расшатанный век». Будь Призрак отцом одного из них — тысячу доводов привел бы им услужливый ум, чтобы успокоить их истинно придворную совесть, и вместо борьбы со злом на сцену явилось бы трусливое примирение со злом, угодливое оправдание зла. Или допустим на миг, что в обстоятельствах, данных в «Грозе», на месте Катерины оказалась бы Варвара с ее житейской мудростью: «делай, что хочешь, только бы шито, да крыто было». Нет, не грянула бы в этом случае гроза, не блеснул бы луч света в темном царстве.

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, — говорил М. Ю. Лермонтов, — едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа...». И, однако, из многих историй «человеческих душ» для своего романа «Герой нашего времени» он избрал историю Печорина. Почему? Автор исчерпывающе ответил на этот вопрос в своем предисловии к «Журналу Печорина»: «Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги».

Три совершенно разных литературных героя, три абсолютно несхожих судьбы, но у них есть нечто общее: глубоко индивидуальный человеческий характер каждого из них, ставившаяся с

обстоятельствами своего времени, вызывает цепь событий, имеющих общественное значение. Так раскрывается в художественном произведении диалектика единичного и всеобщего. Так герой становится героем своего времени, современником.

Говоря об эпохе Возрождения, Ф. Энгельс писал: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру...». Разумеется, и в эпоху Возрождения жили разные люди, в том числе и тихие, маленькие, комнатные. Далеко не все были титанами. Но эпоха нуждалась в титанах, и они явились. И именно они представляли свое время, ибо их человеческий характер соответствовал историческому характеру эпохи.

— Эвон, куда автор хватил! — возможно, подумает иной читатель. — Дальше все пойдет по схеме: время наше героическое и, следовательно, только герой имеет право называться современным. А как же благородная традиция передовой русской литературы, отдавшей столько доброго внимания «маленькому человеку»?

Да, русская литература щедро отдавала силу своего таланта изображению маленького человека, но как по-разному она изображала его! Гоголевский Акакий Акакиевич бесконечно мал в своей малости, и потому он «герой» своего времени, вернее, безвременья. Акакий Акакиевич и Хлестаков — две стороны одной медали, медали, на века выбитой гением художника в недобрую память николаевской эпохи. А вот маленький капитан Тушин по-настоящему велик. Л. Н. Толстой в небольшом эпизоде гениально раскрывает величие рядового участника боьших событий,

одного из многих творцов истории.

ЯДРОМ, сердцевинкой всякого характера являются мотивы, движущие и управляющие человеческими поступками, которые в свою очередь определяются целями, мировоззрением человека. Вот это и роднит, сближает между собой современников.

Призывая в своем докладе на XXI съезде КПСС советских художников запечатлеть героический подвиг народа, Н. С. Хрущев говорил: «Чувства большинства советских людей подчинены высокому идеалу — быть полезным обществу, создавать для него все новые материальные и культурные блага. Именно это, а не страсть наживы, как при капитализме, — основной движущий мотив деятельности советских людей...».

Люди индивидуалистического склада ума, буржуазного понимания интересов личности не могут постичь новых моральных качеств советских людей, и поэтому они на свой лад пытаются объяснить патристические дела советских людей как результат принуждения. Советские люди смеются над такими объяснениями и над их сочинителями, которым недоступна высшая мораль человека социалистической страны, идущего на подвиг в интересах всего общества, для блага человечества».

Нормы коммунистического поведения существуют не только как кодекс правил, они существуют в жизни как мотивы человеческих поступков, они воплощаются в художественных произведениях как силы, двигающие героями.

...Экипаж экскаватора в пьесе А. Арбузова «Иркутская история» окружает жену погибшего товарища подлинно человеческой заботой, берет на свое иждивение ее и детей. И против этого

восстает Виктор Бойцов, тот, который любит Валентину, тот, который выстрадал свою любовь к ней! Не иждивенцем бригады, а равноправным членом ее хочет он видеть молодую женщину. Да, Виктор принуждает и товарищей, и саму Валентину согласиться с ним — он действует по велению сердца, он принуждает именем большой человеческой любви. С ним нельзя не согласиться. И какую радость принесит людям его настойчивость — Валентина впервые обретает место в строю, товарищи становятся очевидцами и участниками ее человеческого становления.

В пьесе А. Штейна «Океан» Платонов — человек решительный и властный принуждает своего друга и подчиненного Часовникова думать, заставляет его понять, что уход с флота будет для него, Часовникова, равносильно жизненной катастрофе. И какую радость приносит согласие с Платоновым — Часовников обретает себя, вступает, пусть с опозданием, в пору человеческой зрелости. Вот оно «принуждение», адресованное не к темным сторонам человеческой души — страху, готовности покориться, трусливому «здоровому смыслу», а вызывающее к высокому чувству, разуму, человеческой гордости.

Никто не принуждает «Человека в отставке» А. Софронова менять заслуженный покой на кипучую деятельность. Он просто в силу своего естества не может иначе. Настоящего советского человека нельзя отставить от жизни. Для него не возникает проблемы быть или не быть в гуще жизни; герой софроновской пьесы решает иную проблему — нужен он или нет в жизни сегодня? Разные авторы, разные пьесы, разные герои, но это все сегодняшние советские люди, герои нашего времени.

Цель советского человека — коммунизм, мотивы, управляю-

щие его поступками, — нормы морального кодекса строителя коммунизма. И потому можно сказать: советский характер, рожденный нашей эпохой, — это моральный кодекс строителя коммунизма в действии, воплощенный в чертах, в поступках живого, конкретного человека. Наш современный черпает мотивы своего поведения в коммунистической морали.

Герой пьесы «Океан» вступает по ходу действия в конфликт с ревностными, казалось бы, блюстителями устава — Туманом, Кукиным. Но в пьесе отнюдь нет конфликта между уставом и человеком, нет и тени анархистской мыслишки, будто человеком можно быть, лишь нарушая устав. В пьесе есть конфликт между людьми, для которых устав — выражение основных закономерностей собственного человеческого бытия и поведения (Платонов, Миничев, Задорнов), и теми, кто соблюдает его только формально. В том, что этим последним (Туману, Кукину) неуютно на флоте, неуютно в жизни, — глубокий смысл: для них нормы нашего общественного бытия остаются чем-то внешним, пугающим, давящим. Жить по этим нормам им тяжело, и потому они тяжелеют для окружающих людей, потому они неудачники.

Подлинному нашему современнику грозит моральной бедой иное — вольное или невольное отступление от норм социалистического бытия. В этом глубокий источник современной драмы, убедительно раскрытой Дм. Зориним в образе Маршалова, героя пьесы «Весенний гром». В своей упрямой слепоте Маршалов проглядел приспособленца Фому Дурова, пробравшегося в душу, в сердце старого колхозного вожака. И оттого стало вянущим, стало черстветь это большое сердце и едва не порвались нити, связывающие его с Ольгой, Васильевской, старыми друзьями. И

огда наконец, раскусив Фому, Ларшалов выгоняет его, он спрашивает самого себя с болью и горечью:

— Почему он здесь? Почему он около меня, вот тут?.. (Покалывает на грудь). Кто позвал его сюда?!

Люди, подобные Фоме, своеобразно усваивают законы нашей сегодняшней жизни, пытаются всей мерой мерять ее ценность.

В пьесе И. Штока «Ленинградский проспект» ловкий прохвост втирается в славную рабочую семью и стремится прослыть «своим человеком» в ней. Ни прямой материальной выгоды, ни блестящей карьеры это ему не сулит, но за этим он и плетет свои интриги. Он отлично понимает, что добрая трудовая слава в наш век — основной капитал, и хочет от этого капитала позаимствовать. Так неожиданно, через психологию отрицательного персонажа тоже раскрываются приметы нашего времени.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ наши драматурги и театры не так уж мало сделали для воплощения современного советского характера, для раскрытия того, в чем качественное отличие героя нашего времени от положительных героев прошлого. Показывая моральный кодекс строителя коммунизма в действии, они тем самым внесли свой вклад в раскрытие специфики советского характера. Этот опыт, осмысление его чрезвычайно важно для дальнейшего движения вперед.

«Коммунистическая мораль, — записано в Программе нашей партии, — включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками». Как изумительно точно сказано: именно включает, но отнюдь не ограничивается обще-

человеческой моралью, а идет дальше. Вот он — точный критерий! Если анализ человеческих поступков приводит нас к выводу, что мотивы их не выходят за пределы общечеловеческой морали, значит, можно определенно утверждать, что мы имеем дело с характером, пусть и очень благородным, но не передающим коренных примет нашей эпохи, с характером, не ставшим советским.

Честные, благородные, душевно красивые люди были во все времена, даже в самые мрачные периоды человеческой истории, но вряд ли нужно доказывать, что движение, начатое Гагановой, или движение, начатое Загладой, могло возникнуть только в нашей стране, только в период развернутого по всему фронту строительства коммунизма.

Если с этой точки зрения взглянуть на положительных героев пьесы А. Володина «Старшая сестра», то будет очевидно — они не стали воплощением советского характера. Нравственные мотивы, которые движут их поступками, целиком укладываются в нормы общечеловеческой морали. Любый непредубежденный анализ приводит к этому выводу. Да и герои других произведений этого же драматурга берутся, как правило, за утверждение общегуманистических идеалов, действуют обычно в обстоятельствах, где трудно обнаружить главный моральный принцип строителя коммунизма — труд на благо общества как основное содержание жизни, как источник радости.

В пьесе «Пять вечеров» есть слова о романтике рядовых профессий, о трудовых буднях, но они остаются словами, сказанными «по ходу действия». А суть совершающегося — в ином: герои долго и порой нудно выясняют отношения, ищут пути к прекращению давней размолвки.

В пьесе после «первого вече-

ра» следует ремарка: «Второй вечер. Мы сразу перейдем к нему, потому что за день ничего существенного не произошло». Ну что же, драматург вправе не интересоваться дневной жизнью своих героев, если они сами ею не интересуются, если подлинная жизнь для них начинается лишь в тесном кругу, высветленном домашним абажуром. Только ведь люди эти заслуживают скорее жалости, а не умиления.

Разумеется, А. Володин и некоторые подражающие ему драматурги вправе создавать и таких героев, только не надо выдавать их за подлинных героев нашего времени.

В свое время Ильф и Петров здорово написали о «большом и малом» мирах. Никому не возбраняется быть певцом «малого мира», только не надо выдавать его за большой.

И еще: вряд ли можно признать верным и плодотворным для молодого драматурга путь, делающий его певцом «малого мира».

Рождение советского характера, происходящее на наших глазах в пьесах А. Арбузова «Иркутская история» (Валентина), «В добрый час!» В. Розова (Андрей), Дм. Зорина «Весенний гром» (Николай) и других, происходит в «большом мире». Герои этих произведений ищут свое место в жизни не там, где они могут больше получить, а там, где они могут больше отдать, ищут не места под солнцем, а места в строю строителей будущего.

ПРЕОДОЛЕНИЕ культа личности и его последствием породило в нашей драматургии целую серию пьес, героями которых стали люди «ищущие».

Появление таких пьес явилось результатом своеобразного субъективного отражения через индивидуальные судьбы людей тех больших процессов, которые объ-

ективно происходили в стране, когда прокладывались новые пути жизни, пути, ведущие к восстановлению ленинских норм. Это было закономерно. Но вот что происходит дальше: огромная страна под руководством партии давно нашла эти пути, прочно вошла в жизнь и действуют новые нормы нашей жизни, а герои некоторых произведений все еще продолжают свои поиски. Лишенные связи с жизнью, со временем, они, естественно, тускнеют, вырождаются, становятся похожими друг на друга. Ведь очень показательно, какую эволюцию претерпел «ищущий» герой даже у такого талантливого писателя, как В. Розов. В пьесе «В добрый час!» у Андрея есть цель, он полон веры в жизнь, он любит людей. В сценарии «А, б, в, г, д» Володя бесцельно мечется, он устал от этого метания, раздражен, насторожен к людям, недоверчив.

Ведь бывает, что в пьесах за героев выдаются люди, заблудившиеся в трех соснах, решающие проблемы, давно решенные жизнью. Они, подобно странствующим рыцарям, повсюду ищут «наследников Сталина». А, между прочим, преодоление культа личности вызвало к жизни расцвет миллионов личностей, вызвало творческую инициативу масс, которые идут путем, указанным партией, живут и трудятся по нормам коммунистического завтра. Это подлинные герои нашего времени.

Вплотить жизнерадостный советский характер — значит не только сказать правду о нашем сегодняшнем дне, но и действительно выполнить ту почетную роль, которую партия отводит советскому художнику, — стать помощником партии в деле коммунистического воспитания народа.

А. КЕСЛЕР.